

участники конвенции и решение должно приниматься консенсусом, в котором не должно участвовать государство, на территории которого имели место массовые нарушения прав человека.

Встает вопрос о правовой природе самого Содружества. В настоящее время, на мой взгляд, Содружество Независимых Государств — это еще не конфедерация, но и не международная организация. Преждевременно называть Содружество субъектом международного права, хотя тенденция к этому налицо, и в этом случае появился бы новый субъект международного права — СНГ наряду с государствами—членами Содружества. Более того, можно сделать вывод, что ряд государств—членов СНГ готовы и на более тесные связи в форме федерации, а ряд государств — в форме конфедерации. И в этом случае можно будет говорить о федеративно-конфедеративном образовании как о субъекте международного права. В настоящее время — это новое, еще не известное ни науке, ни практике международное образование, которое можно определить как международно-правовое объединение особого рода, которое носит переходный характер.

---

¹ См. *Дипломатический вестник*. — 1988 г. — № 2—3.

Статья поступила в редакцию в июле 1996 г.

ПРАВОВОЙ СТАТУС УГЛЕВОДОРОДНЫХ РЕСУРСОВ В НЕДРАХ

С.Б. Дьяченко*

Юридическая определенность по вопросу о правовом статусе углеводородных ресурсов (нефти и газа) в недрах (*in situ*) в сочетании с коммерческой привлекательностью, геологической перспективностью и низкими политическими рисками является необходимой предпосылкой для успешного сотрудничества в сфере недропользования с привлечением к разведке и разработке ресурсов недр транснациональных компаний, обладающих необходимыми финансовыми, технологическими и управленческими ресурсами.

Правовой статус углеводородных ресурсов *in situ*, связанный прежде всего с принадлежностью данных ресурсов, в пределах на-

---

*Выпускник МГИМО(У) МИД РФ.

циональной территории определяется нормами внутреннего права соответствующих государств, а за ее пределами — конвенциональными нормами международного права и частично национальным правом прибрежных государств.

В настоящей статье читателю предложен общий обзор действующего регулирования юридического статуса углеводородов *in situ* как в рамках внутреннего права различных государств, так и с точки зрения международного права.

Ресурсы недр в пределах государственной территории

Особенности исторического развития и правовых систем государств, обладающих запасами нефти и газа, определили многообразие применимых концепций в отношении статуса этих природных богатств.

Наиболее известная классификация существующих национальных правовых систем с точки зрения регулирования статуса минеральных ресурсов *in situ* была предложена в начале XX века французским юристом Луи Агийоном (Louis Aguillon) в работе «Горное законодательство во Франции»¹. Согласно разработанной им классификации различаются три соответствующие системы горного права:

система приращения (*accession system*);

система *res nullius*, в свою очередь подразделяемая на систему оккупации (*system of occupancy*) и систему уступки суверенных прав (*regalian system*);

система государственной собственности (*domanial law system*).

Система приращения

Еще в римском праве одним из способов первоначального приобретения права собственности на вещи признавалось их приращение (*accessio*) в силу того, что они соединены с чем-либо, уже принадлежащим приобретателю. Причем приращение осуществлялось в отношении вещей дополнительных по своему природному или хозяйственному предназначению, следующих за основной: «принадлежность следует за главной вещью». Данный институт римского права лежит в основе одной из современных систем горного права — системы приращения (*accession system*), в соответствии с которой минеральные ресурсы недр являются собственностью соответствующего землевладельца.

Применительно к ресурсам недр концепция приращения неразрывно связана с не менее древней доктриной *ad coelum* (*cujus est solut, ejus est usque ad coelum et ad inferos*), известной как доктрина неограниченности права собственности на землю в пространстве. Согласно этой доктрине собственность на земельный участок включает в себя собственность на все, что находится над ним, и на все, что находится под ним (т.е. на недра). Вплоть до начала XX века система приращения господствовала в горном праве практически всех государств, где осуществлялось недропользование. Однако с ходом экономического развития горное право подавляющего большинства государств претерпело коренные изменения в сторону ограничения прав землевладельцев в отношении ресурсов недр под их участками (см. далее систему *res nullius* и систему государственной собственности).

На сегодняшний день система приращения сохранила свои позиции лишь в США и Канаде. Наиболее интересными представляются концепции прав на нефтяные и газовые ресурсы *in situ*, сложившиеся в США.

В связи с тем, что в США правоотношения по недропользованию регулируются в основном правом отдельных штатов, соответствующее правовое регулирование характеризуется некоторым разнообразием подходов.

Господствовавшая в США на момент открытия в Пенсильвании в 1859 году нефтяных залежей доктрина *ad coelum* легла в основу многочисленных судебных решений. Так, решением техасского суда по делу *Texas Co. v. Daugherty*² было признано, что нефть или газ, находящиеся в недрах под земельным участком, составляют часть соответствующего комплекса недвижимости.

В ходе первых же разбирательств суды натолкнулись на проблему, заключавшуюся в особом физическом свойстве нефти и газа, которые хотя и залегают неподвижно в рамках природного месторождения, как в огромной емкости, но, тем не менее, могут перемещаться через границы частных владений в пределах месторождения в направлении областей низкого давления, образуемых в том числе и пробуренными скважинами.

Основной юридической проблемой в данном контексте являлась необходимость сформулировать какую-нибудь теорию, оправдывающую признаваемое всеми судами отсутствие ответственности за упомянутые перемещения ресурсов. Такой теорией стала доктрина о праве на захват перемещающихся в недрах ресурсов (*rule of capture*), на основе которой пенсильванский суд в деле *Barnard v. Monongahela Natural Gas Co.*³ (см. также судебное решение по делу *People's Gas Co. v. Tynes*⁴) отказался запретить ответчику, истцавшему недра под участком соседа-истца, разрабатывать нефть на

своем участке. Признав «блуждающий» характер нефтяных залежей в недрах, суд решил, что единственным выходом из сложившейся ситуации для истца стали бы бурение своей собственной скважины и самостоятельная разработка нефтяных ресурсов. Ответчик-приобретатель переместившихся ресурсов не понес никакой ответственности.

Основной причиной единодушной приверженности судов доктрине *rule of capture* в первые десятилетия развития американской нефтедобывающей промышленности было опасение того, что наложение на активных нефтеразработчиков ответственности за истощение недр под соседними землями могло надолго задержать развитие нефтедобычи в стране. Будучи воспринятой судами, доктрина *rule of capture* ускорила развитие важной для США отрасли экономики.

Другой причиной послужила невозможность на том уровне научно-технического развития точно определить, какие участки недр подверглись истощению и какие объемы нефти переместились из-под указанных участков.

Неограниченное господство доктрины *rule of capture* породило, однако, и серьезные проблемы. Обычной практикой стало беспредельное истощение землевладельцами своих недр, наносящее вред как соседям-конкурентам, так и окружающей среде. Отвечая на требование времени, суды и законодатели ввели ряд ограничений, в результате которых доктрина *rule of capture* утратила качество «полной индульгенции», освобождающей от всякой ответственности за истощение недр под чужими земельными участками.

Существующие на сегодняшний день ограничения включают так называемые неотъемлемые ограничения (*inherent limitations*), ограничения, основанные на доктрине коррелятивных прав (*doctrine of correlative rights*), и ограничения, установленные в законодательстве.

Неотъемлемые ограничения имеют место при истощении используемых для хранения уже добытой нефти природных емкостей в недрах, а также в ситуации, когда истощение недр под чужими землями осуществляется с применением методов и приемов повышенной эффективности. В указанных случаях суды отказываются применять доктрину *rule of capture*.

Согласно доктрине коррелятивных прав (*doctrine of correlative rights*) каждый собственник земельного участка, находящегося в рамках единого месторождения, имеет справедливую возможность разрабатывать нефть и газ в рамках доли запасов недр под его участком в общем объеме ресурсов всего месторождения. Любое повреждение всего месторождения противоречит данной доктрине и, следовательно, исключает применение *rule of capture*.

Законодательством предусмотрены определенные требования по консервации месторождений и охране природы, также ограничивающие действие доктрины *rule of capture*.

В настоящее время нефтедобывающие штаты США можно разделить на две группы в зависимости от господствующей в них концепции права собственности на ресурсы недр:

штаты, придерживающиеся теории квалифицированного права собственности (*qualified ownership theory*) или теории отсутствия права собственности (*non-ownership theory*), к которым относятся Оклахома, Калифорния, Индиана, Луизиана, Вайоминг и др.;

штаты, поддерживающие концепцию абсолютного права собственности (*absolute ownership theory*), среди которых следует упомянуть Техас, Пенсильванию, Колорадо, Нью-Мексико, Канзас и Арканзас.

В соответствии с концепцией квалифицированного права собственности на ресурсы недр все землевладельцы в рамках одного месторождения определялись как коллективные собственники всего объема нефти и газа и каждый из них имел равное право пользоваться общими ресурсами недр. Такая конструкция основывается на общем убеждении, что нефть и газ не могут перемещаться за пределы площади их месторождений. Из этого следует, что землевладельцы в рамках соответствующего месторождения могут осуществлять право собственности лишь коллективно, так как в пределах месторождения нефть и газ сохраняют свою мобильность и могут пересекать границы между участками землевладельцев. В рамках данной теории отдельный землевладелец не имеет права собственности на обособленный объем нефти или газа под своим участком, не получает он и права на идеальную долю в общем запаса данных ресурсов. Вместо этого он может наравне с другими коллективными собственниками реализовать свое право собственности путем сооружения на своем участке скважин и добычи соответствующих ресурсов. Причем в некоторых судебных решениях особо подчеркивается, что указанные правомочия землевладельца составляют именно его право собственности на ресурсы недр⁵. В некоторых исследованиях отмечается, однако, что землевладелец в данном случае обладает лишь исключительным правом пользования недрами, становясь собственником в момент их добычи (проводится аналогия с дикими животными, пойманными землевладельцем). Соответствующая концепция именуется теорией отсутствия права собственности (*non-ownership theory*)⁶.

В Техасе и иных штатах, придерживающихся теории абсолютного права собственности на ресурсы недр, за землевладельцем признается самостоятельное и обособленное право собственности (*title in severalty*) на нефть или газ в недрах под его участком. Тем

не менее, согласно доктрине *rule of capture*, признается, что землевладелец утрачивает право собственности на переместившиеся нефть или газ в пользу того землевладельца, под участок которого эти ресурсы переместились. При этом последний землевладелец никакой ответственности не несет.

Необходимо заметить, что различия двух указанных концепций права собственности на ресурсы недр в целом носят теоретический характер и представляют лишь академический интерес. На практике как в Калифорнии, так и в Техасе землевладелец имеет полное право пробурить на своем участке любое количество скважин и извлекать любой посильный для него объем нефти или газа, будучи обязанным лишь воздерживаться от приемов, причиняющих вред всему месторождению. В рамках обеих концепций землевладелец наделен разумной возможностью разрабатывать ресурсы недр под его участком. Таким образом, если все землевладельцы будут разрабатывать свою нефть и газ с равным умением и старанием, каждый из них получит пропорциональную часть ресурсов всего месторождения.

Система *res nullius*

В рамках системы *res nullius* ни государство, ни землевладелец изначально не имеют никаких прав в отношении минеральных ресурсов *in situ*, которые признаются бесхозяйным имуществом — *res nullius*. При этом способ их присвоения (приобретения прав собственника или пользователя) должен быть обозначен в законодательстве. Существуют две основные системы соответствующего законодательного регулирования:

система оккупации (*system of occupancy*);

система уступки суверенных прав (*regalian system*).

Согласно системе оккупации (*system of occupancy*) минеральные ресурсы *in situ* поступают в собственность (пользование) в силу факта их оккупации, то есть завладения ими с намерением присвоения. Собственником (пользователем) становится первый захвативший: *res nullius cedit primo occupanti*.

Оккупацией ресурсов *in situ* государство может признавать фактическое завладение месторождением, подачу заявки на присвоение месторождения или обнаружение наличия запасов данных ресурсов с надлежащей оценкой возможностей их успешной разработки. Законодательством могут быть предусмотрены и иные условия оккупации.

Система оккупации используется в основном в странах, недавно начавших разработку своих недр, и практически не применяется к

углеводородным ресурсам недр. Причиной этому является тот факт, что такая система оставляет у государства слишком мало юридических рычагов в отношении недропользователей, уже присвоивших соответствующие ресурсы.

Система уступки суверенных прав (*regalian system*) предусматривает приобретение прав собственника или пользователя ресурсов недр посредством уступки государством своих суверенных прав на открытие или обнаруженные бесхозные вещи (*concession de droit regalien*). Условия такой уступки определяются в законодательстве.

В нефтяной сфере эта система обычно используется лишь на период разведки залежей ресурсов, когда правообладатель наделяется временными правами производить такую разведку, что позволяет государству в течение достаточно непродолжительного периода свободно выбирать претендентов, способных осуществлять разведку. Это дает возможность государству гарантировать эффективность усилий по разведке минеральных ресурсов. При этом обладателю права на разведку ресурсов недр гарантируется возможность получения исключительного права на разработку открытых им ресурсов.

Система государственной собственности

В отличие от системы приращения, в соответствии с системой государственной собственности (*domanial law system*) право собственности на природные ресурсы в недрах принадлежит суверену (государству).

В некоторых государствах эта система имеет феодальные корни. В средневековые земли принадлежали многочисленным феодалам, которые обычно заявляли и о своих суверенных правах на соответствующие недра. По прошествии веков эти суверенные права перешли к монархам, а затем — к государствам.

Однако в большинстве государств, придерживающихся системы государственной собственности (Великобритания, Франция и т.д.), указанная система заменила господствовавшую ранее систему приращения с принятием соответствующего законодательства или даже на конституционном уровне⁷.

С точки зрения доктрины система государственной собственности столь же уязвима для критики, как и система приращения, так как для государства, равно как и для индивида, является юридически неоправданным наличие какого-либо титула на вещи, существование которых порой не выяснено.

Однако на практике система государственной собственности имеет некоторые преимущества, поскольку она наделяет государство как защитника общих интересов правом устанавливать универсальные и общепризнанные правила пользования недрами на своей территории.

Система государственной собственности позволяет государству легко вмешиваться в отношения по недропользованию. Такое вмешательство может принимать различные формы, среди которых наиболее радикальными являются национализация и введение государственной монополии. Показательными примерами таких крайних проявлений могут служить социалистические страны и некоторые страны Латинской Америки.

Зачастую государства привлекают к недропользованию частных лиц, располагающих необходимыми финансовыми и технологическими ресурсами, каковыми являются транснациональные нефтяные компании. Такое сотрудничество происходит на основе взаимовыгодных соглашений.

В некоторых государствах не существует развитой правовой базы для подобных соглашений (авторитарные государства Ближнего Востока). В таких условиях заключаемые соглашения становятся универсальными актами, заменяя собой несуществующее законодательство.

Во многих государствах разработано детальное законодательство о недропользовании. При этом заключаемые этими странами в области недропользования соглашения вовсе не являются универсальными и всеобъемлющими актами, а в основном лишь развивают и дополняют существующее законодательство.

Исламские концепции

Правовые системы нефтедобывающих государств, где господствует исламское право, отличаются своеобразием взглядов на решение вопроса о правовом статусе ресурсов *in situ*, что позволяет выделить их в отдельную категорию.

Толкование и понимание шариата зависит от взглядов различных правовых школ. Приведенный ниже краткий анализ существующих позиций позволяет сделать вывод о том, что вмешательство государства в той или иной форме всегда предусматривается⁸.

Приверженцы маликитской школы считают, что все ресурсы недр являются общественным достоянием.

С точки зрения ханифитской школы ресурсы недр принадлежат собственнику земли над ними, будь то даже частная земля.

Ханбалитская школа права проводит основное различие между твердыми и жидкими минеральными ресурсами:

все твердые минералы в открытых месторождениях являются общественным достоянием. Твердые минералы в закрытых месторождениях принадлежат собственнику земли;

в отношении жидких минералов мнения юристов расходятся. Одни считают, что такие ресурсы находятся исключительно в государственной собственности. Противники такого подхода утверждают, что жидкие минералы, как и твердые минералы в закрытых месторождениях, принадлежат собственнику земли.

Согласно подходу шафиитской школы минералы, находящиеся под или на государственных землях, принадлежат государству. Минералы же под или на частных землях вовсе не обязательно являются частными, и в отношении них в любом случае требуется санкция государства на поиски и разработку.

Интересно отметить, что эти принципы исламского права проявились лишь недавно на волне утверждения суверенитета данных стран и в связи с возросшим экономическим и политическим значением углеводородов. Ранее право на пользование недрами предоставлялось нефтяным компаниям отдельными решениями местных суверенов без оглядки на юридические основания таких действий.

Ресурсы недр морского дна за пределами государственной территории

За пределами своей территории государства, не имея возможности в полной мере осуществлять свой суверенитет, располагают лишь правами, предоставляемыми международным правом, то есть имеющими конвенциональную природу.

Минеральные ресурсы континентального шельфа и исключительной экономической зоны

Женевская Конвенция о континентальном шельфе 1958 года (ст. 2) и заменившая ее Конвенция ООН о морском праве 1982 года (ст. 77) закрепили за прибрежными государствами суверенные права в отношении ресурсов недр континентального шельфа за пределами их территории. Ниже приведены соответствующие положения Конвенции 1982 года.

Права прибрежного государства на континентальный шельф

1. Прибрежное государство осуществляет над континентальным шельфом суверенные права в целях его разведки и разработки его природных ресурсов.
2. Права, упомянутые в пункте 1, являются исключительными в том смысле, что, если прибрежное государство не производит разведку континентального шельфа или не разрабатывает его природные ресурсы, никто не может делать этого без определенно выраженного согласия прибрежного государства.
3. Права прибрежного государства на континентальный шельф не зависят от эффективной или фиктивной оккупации им шельфа или от прямого об этом заявления.
4. Упомянутые в настоящей части природные ресурсы включают минеральные и другие неживые ресурсы морского дна и его недр...⁹

Кроме того, Конвенция ООН о морском праве 1982 года впервые предусмотрела особый статус ресурсов недр в районе так называемой исключительной экономической зоны.

Статья 56

**Права, юрисдикция и обязанности прибрежного государства
в исключительной экономической зоне**

1. Прибрежное государство в исключительной экономической зоне имеет:
  - а) суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также в целях управления этими ресурсами...
3. Права, изложенные в настоящей статье в отношении морского дна и его недр, осуществляются в соответствии с частью VI.

Как видно из приведенной ст. 56 Конвенции 1982 года, статус ресурсов недр в районе исключительной экономической зоны аналогичен статусу ресурсов недр континентального шельфа, что закрепляется ссылкой на часть VI Конвенции, посвященную континентальному шельфу.

Учитывая закрепленные в ст. 57 и 76 Конвенции 1982 года границы исключительной экономической зоны и континентального шельфа, можно смело утверждать, что основной объем деятельности по коммерческой разведке и разработке ресурсов недр морского

дна на сегодняшний день осуществляется в границах континентального шельфа, так как исключительная экономическая зона практически включена в пределы континентального шельфа.

Международно-правовая доктрина признает, что указание на суверенные права прибрежных государств в отношении континентального шельфа и исключительной экономической зоны не имеет целью как-либо ограничить указанные права, а призвано подчеркнуть, что их объектом являются исключительно данные ресурсы, а не соответствующий водный слой и воздушное пространство над ним. Таким образом, международное право не препятствует установлению прибрежными государствами имущественных прав на ресурсы в недрах континентального шельфа и исключительной экономической зоны, хотя и не дает прямых указаний на наличие указанных прав¹⁰.

Принятое в большинстве прибрежных государств законодательство либо определяет их права в отношении ресурсов *in situ* в указанных районах чаще всего как вещные права пользования — своего рода *profit a prendre*, либо квалифицирует эти права в качестве права собственности. Необходимо отметить также, что указанные права обычно закреплены соответствующими законодательными актами в традиции системы государственной собственности за самими государствами.

Минеральные ресурсы в международном районе морского дна

Конвенция по морскому праву 1982 года также определяет особый статус ресурсов *in situ* за пределами континентального шельфа и исключительной экономической зоны — в так называемом «международном районе морского дна». Соответствующие положения Конвенции гласят:

Статья 136

Общее наследие человечества

Район и его ресурсы являются общим наследием человечества.

Статья 137

Правовой статус Района и его ресурсов

1. Ни одно государство не может претендовать на суверенитет или суверенные права или осуществлять их в отношении какой бы

то ни было части Района или его ресурсов, и ни одно государство, физическое или юридическое лицо не может присваивать какую бы то ни было их часть. Никакие притязания такого рода или осуществление суверенитета или суверенных прав и никакое такое присвоение не признаются.

2. Все права на ресурсы Района принадлежат всему человечеству, от имени которого действует Орган...

Правовой статус минеральных ресурсов *in situ* международного района морского дна определяется недопустимостью их государственного или частного присвоения в какой бы то ни было форме. Все права на указанные ресурсы принадлежат всему человечеству, то есть всем существующим государствам в целом, от имени которых действует Международный орган по морскому дну, наделенный контрольными и регулируемыми функциями. Таким образом, минеральные ресурсы международного района морского дна являются своего рода общей собственностью государств мира (*res communis*), находящейся в их совместном управлении через специальный орган.

* * *

Важность многих минеральных ресурсов для успешного экономического развития привела к признанию деятельности по их разведке и разработке объектом национальных интересов. Результатом явилось усиление государственного контроля и вмешательства в эту сферу отношений, в том числе и по вопросам правового статуса минеральных ресурсов в недрах. Государство не только назначает лиц, уполномоченных на разведку и разработку недр, но также определяет в законодательном или договорном порядке условия соответствующей деятельности. Единственным исключением является режим частной собственности на ресурсы недр в США и Канаде, но даже там вмешательство государства в виде, помимо всего прочего, требований по консервации, налогообложению и охране природы никак нельзя признать незначительным.

Осознание огромного значения ресурсов дна Мирового океана для будущего цивилизации и активная позиция развивающихся стран привели к закреплению особого статуса этих ресурсов, ставших общим наследием человечества. Такой особый статус приведет скорее всего к сдерживанию активной разработки ресурсов недр океанского дна, образующих таким образом своеобразный резерв для будущих поколений.

---

¹ *Aguillon L. Legislation des Mine en France. Librairie Polytechnique / Ed. by Ch. Berenger. — Paris, 1912.*

² (1915) 107 Tex. 226, 176 S. 717.

³ (1906) 216 Pa. 362, 65 A. 801.

⁴ (1892) 131 Ind. 277 N.E. 59.

⁵ См. *Keith W. Blinn, Claude Duval, Honore Le Leuch, Andre Pertuzio*. International Petroleum Exploration and Exploitation Agreements: Legal, Economic and Policy Aspects, Eurininey Publications. — 1986. — P. 33.

⁶ См. Oil and Gas Law in a Nutshell by Lohn S. Lowe, West Publishing Co. — St. Paul, 1988.

⁷ См., например, Нефтяной закон Великобритании 1934 года или французский Закон от 21 апреля 1910 г.

⁸ См. *Keith W. Blinn, Claude Duval, Honore Le Leuch, Andre Pertuzio*. Op. cit. — P. 28.

⁹ Текст Конвенции 1982 года приводится по книге «Морское право: официальный текст Конвенции ООН по морскому праву с приложениями и предметным указателем». — ООН, Нью-Йорк. — 1984.

¹⁰ См. *F.V.W. (Van) Penick*. Offshore Financing: The Nature of Security Interests in Oil and Gas Projects on the Continental Shelf, The Alberta Law Review. — 1985. — Vol. XXIII. — 1.

Статья поступила в редакцию в августе 1996 г.

НЕ ТОЛЬКО ТУШИТЬ, НО И ПРЕДУПРЕЖДАТЬ КОНФЛИКТЫ

(Правовая основа превентивной политики и дипломатии)

Г.Б. Старушенко*

От успехов общественных наук, науки международного права в частности, зависят востребованность, а в итоге — и успехи других наук. Говорю об этом не из склонности к парадоксам, а учитывая, что у нас в результате крупных ошибок, которые имели место в ходе развития и общества, и наук об обществе, у многих сложилось убеждение, что естественные науки — это «естественные», а общественные — «противоестественные». Этот парадокс так часто повторялся и в стенах Академии наук, что многие начали воспринимать его как истину. Недооценка, а то и игнорирование общественных наук оказывают резко отрицательное влияние на об-

---

*Член-корреспондент Российской академии наук. Статья подготовлена на основе выступления на международной конференции «50 лет ООН и международное право».